

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В. Н. Ткачева

Аннотация. В статье проанализированы функции конструкции с прямой речью в современной русской прозе. Сделаны выводы о языковом своеобразии и текстовом потенциале прямой речи, рассмотрены особенности лексико-синтаксической координации ее частей. Выявлены факторы, изменяющие пунктуационно-графическую аранжировку текстовых фрагментов, включающих данную конструкцию в произведениях различных жанров Д. Рубиной, Л. Петрушевской, А. Матвеевой, Е. Водолазкина и А. Слаповского. Охарактеризовано функционирование конструкции с прямой речью в составе комментированного диалога.

Ключевые слова: конструкция с прямой речью, свободная прямая речь, диалог, пунктуационно-графическая аранжировка, современная проза

THE FUNCTIONING OF DIRECT SPEECH IN CONTEMPORARY PROSE

V. N. Tkacheva

Abstract. The article analyzes the functions of direct speech in modern Russian prose. The article identifies the factors changing the punctuation-graphic arrangement of the text fragments that include direct speech in the literary texts of various genres by D. Rubina, L. Petrushevskaya, A. Matveeva, E. Vodolazkin and A. Slapovsky. The article describes the functioning of direct speech as a part of commented dialogue. The author makes conclusions about the lexical and syntactic coordination of the parts of direct speech and about the textual potential of direct speech.

Keywords: direct speech, free direct speech, dialogue, punctuational and graphic arrangement, contemporary prose

Введение

Обращение к современной прозе, изученной в основном в лексическом аспекте (В. Д. Черняк (Черняк 2011; 2014), Н. Г. Бабенко (Бабенко 2010), Д. А. Щукина (Щукина 2019)), демонстрирует недостаточность ее грамматического анализа, в частности синтаксической интерпретации способов передачи чужой речи. В текстах конца XX — начала XXI в. широко представлены способы ее изображения: конструкции с прямой и косвенной речью, тематическая, свободная прямая и несобственно-прямая речь (Соколова 1968), диалогическое единство. Их вы-

бор и оформление, зачастую обнаруживающие отступление от традиции, зависят от различных факторов: индивидуального стиля автора, жанра текста, модальных сдвигов, существующих в нем. Современные прозаики (Е. Водолазкин (Водолазкин 2018), А. Матвеева (Матвеева 2015), Л. Петрушевская (Петрушевская 2008а; 2008b), Д. Рубина (Рубина 2021), А. Слаповский (Слаповский 2019), М. Степнова (Степнова 2022) и др.) внимательны к изображению чужой речи. Их произведения демонстрируют тенденцию визуализации текста, вызванную, по точному замечанию Г. Н. Акимовой, стремлением к «преодолению молчания

бумаги» (Акимова 1990, 57). Целью данной статьи является анализ функций конструкции с прямой речью (далее — КПР) в современной прозе. В связи с этим предполагается решение следующих задач: охарактеризовать КПР как способ передачи чужой речи, выявить особенности представления ее частей (собственно прямую речь и слова автора) в современных прозаических текстах, описать тенденции, связанные с функционированием КПР в новейшей прозе.

Основная часть

Теоретические положения

В ряду способов передачи многоголосия окружающего мира особое место занимает конструкция с прямой речью. Ее структура предполагает наличие двух частей — собственно прямой речи и так называемых слов автора. В школьной программе изучение данной конструкции сводится к пунктуации, к переводу прямой речи в косвенную. В отечественной лингвистике было исследовано функционирование КПР в научных и научно-популярных, а также классических художественных текстах. Членами научной школы профессора РГПУ им. А. И. Герцена С. Г. Ильенко (Ф. Б. Аманалиевой (Аманалиева 1989), А. В. Логиновым (Логинов 1992), Н. В. Максимовой (Максимова 2005), Н. А. Морозовой (Морозова 1996), А. П. Стельмашук (Стельмашук 1987), Н. И. Чирковой (Чиркова 1992)) были проанализированы речевая и текстовая реализации слов автора, а также их расширение. Обращение к современной прозе позволяет усложнить представления о различных способах передачи чужой речи, их трансформации и функционировании.

Безусловно, писатели не могут не учитывать наивного читательского восприятия КПР, прежде всего пунктуационного. Но они, используя ряд приемов, нередко отступают от него, предлагая читателю задуматься над причинами трансформации конструкции. Рассмотрим каждую из частей конструкции, выявим их особенности, соот-

ношение и функционирование в современных текстах.

Прямая речь

В художественном тексте КПР может функционировать самостоятельно или в качестве комментированной реплики диалога. Как и в произведениях классической литературы, в современной прозе писатели графически демонстрируют фонетические черты речи персонажа, отражая особенности его языковой личности:

Ты сама себе враг, сказал, ты умная, можешь все достичь, а сидишь тут, **ухаживаешь за инвалид** за деньги. (А. Слаповский. Анти-Ганна (Слаповский 2019, 47))

Хорошо, — сказала мать, — ну ладно, тогда надо взять у врача справку об освобождении. А то вообще отчислят из студии. С таким трудом я тебя туда **дылду запихнула**, такой был конкурс! (Л. Петрушевская. Круги по воде (Петрушевская 2008b, 56))

В рассказах А. Слаповского проявляется своеобразное ироничное отношение автора к современникам. Прямая речь персонажей не отличается концептуальной сложностью, представляя собой нередко речевые стереотипы. Ее объем значительно меньше объема слов автора:

— Да нет, есть разные, — сказал я, вспоминая нашего бригадира <...> Шкляева, который всегда находил нам самую выгодную работу, за это получая привилегию не работать руками, а только наблюдать; могучего пожилого Матвейчука, <...> молчаливого Юру Сучкова, человека с выдающимся носом, который в тридцать с лишком лет одинок, постоянно рассказывает о неудачных попытках с кем-то познакомиться, а свои густые и длинные волосы перед зимой химически завивает, чтобы даже из-под шапки они смотрелись привлекательно. (А. Слаповский. Муж (Слаповский 2019, 43))

Приведенные фрагменты убеждают в том, что собственно прямая речь способствует также выражению субъективной авторской модальности, обнаруживается сокращение

объема прямой речи по соотношению со словами автора.

Слова автора

Различия в соотношении объема собственно прямой речи и слов автора связаны с их лексико-синтаксической координацией (Ильенко 1985). С. Г. Ильенко охарактеризовала КПр не только как синтаксическую, но и как строевую единицу текста, подчеркивая особый характер связи ее частей. Она отметила грамматикализацию лексем *сказать, ответить, спросить, услышать* (предикатов говорения и слухового восприятия), служащих сигналами чужой речи (Ильенко 2003, 33), а также выявила речевую (указание на характер говорения) и текстовую (описание невербальных средств коммуникации) реализацию слов автора (Ильенко 2003, 394, 437–449):

Ладно вам, **пробормотала** Борятинская. Не гомоните. (М. Степнова. Сад (Степнова 2022, 16))

А что про коров-то скажешь, матушка? Неужто не жалко?

Оставь, — **отмахнулась** Надежда Александровна беззлобно. — Далась тебе эти коровы. (М. Степнова. Сад (Степнова 2022, 11))

КПр демонстрирует лексико-синтаксическую координацию частей. В сборнике «Дикие животные сказки» (Петрушевская 2008а) Л. Петрушевская стабилизирует слова автора, используя в качестве предиката стилистически нейтральные глаголы говорения, чтобы привлечь внимание к образу персонажа:

Жаба Люба медленно промолвила:

— А я мужа прогнала.

— У тебя разве муж? — **засмеялась** гадюка Алёнка.

— И теперь я одна, — выразительно **сказала** жаба Люба, глядя почему-то за спину лягушке Женечке.

— Ты не одна одна, — **ответила** ей гадюка Алёнка. (Л. Петрушевская. Секонд хэнд (Петрушевская 2008а, 287))

При анализе слов автора важно обратить внимание на их изменения в случае стабилизации собственно прямой речи персонажей и выявить их взаимообусловленность:

Как известно, женская красота дело изменчивое, и красавица жаба Люба, белая и пушистая, пришла к косметичке комару Томке с такими словами:

— Все цветешь, Томик.

— **Да тьфу**, — боясь сплзнуть, уклончиво ответила комар Томка.

— В отпуску, что ли, валандалась?

— **Да тьфу**, — снова возразила комар Томка.

— Бровки, реснички подправишь? — спросила жаба Люба.

— И все остальное, как обычно. На ответственную свиданку иду.

— **Да тьфу**, — согласилась комар Томка. (Л. Петрушевская. Женская красота (Петрушевская 2008а, 121))

Таким образом, прием повтора и использование просторечных речевых клише, использующихся в прямой речи, приводят в том числе к расширению вводящих слов, выражающих субъективную модальность. Слова автора в КПр приобретают новые функции: актуализация авторского голоса, выражение его иронии, создание комического эффекта.

Расширение вводящих авторских слов

В романах И. А. Гончарова «Обрыв», «Обломов», «Обыкновенная история» Н. И. Чиркова проанализировала расширение слов автора и определила его функции. Среди них «представление нового “события”, выявление новой “точки зрения” на факт речи, выражение скрытой авторской модальности, выявление скрытых намерений говорящего, появление нового фокуса внимания» (Чиркова 1992, 11–12). Современная литература демонстрирует развитие этих функций. Например, в прозе А. Славовского расширение слов автора, выходящее за рамки одного высказывания, выражает языковую рефлексивность, мотивацию речепорождения:

Сцена была нелепая, похожая на диалог двух джентльменов девятнадцатого века <..>. **Мне надоело, я сказал:**

— Эпизод, не эпизод, вам-то что? Лучше подумайте, как вы смотрите в этой ситуации. (А. Слаповский. Курица (Слаповский 2019, 12))

В произведениях Слаповского и Петрушевой, являющихся не только прозаиками, но и драматургами, расширение вводящих авторских слов напоминает ремарки:

— Сделаем! — **бодро** пообещал старпом. — Я знаю, про кого вы, тоже обратил внимание! — **он скосил лицо набок и зажмурил глаз, изображая молодецкое подмигивание.** (А. Слаповский. «Селфи» (Слаповский 2019, 59))

«Нет, я брошу, брошу», твердила (**кричала криком**) Галя, вытаращившись буквально. (Л. Петрушевская. Круги по воде (Петрушевская 2008b, 56))

Слова автора и их расширение, являя художественному тексту точку зрения повествователя, позволяют обнаружить субъективную модальность:

Папа никогда не упускал случая втемашить сыну какую-нибудь историческую или архитектурную дребедень: «Видишь, — говорил, — шлем купола тяжёлый, лежит на подпорке такой с шестнадцатью окнами, называется “барaban”». (Д. Рубина. Маньяк Гуревич (Рубина 2021, 8))

Они также демонстрируют модальные сдвиги в плане реальности/ирреальности, характерные для современной прозы:

Надежда слушала спокойно, задумчиво. Потом слегка покачала головой, **будто говоря:** нет, не то. (А. Слаповский. Надежда (Слаповский 2019, 21))

Так вот где таилась погибель моя, — **сказал бы здесь папа,** — *мне смертью кость угрожала!* (Д. Рубина. Маньяк Гуревич (Рубина 2021, 111))

В современной прозе наблюдается тенденция изменения функций расширения вводящих авторских слов. По сравнению с их

ролью в классическом тексте, выявленной Н. И. Чирковой, выделяются такие функции, как языковая рефлексия, смена точек зрения, выражение модальности.

Трансформация пунктуационно-графической аранжировки КПП

В произведениях ряда современных авторов КПП является частью комментированного диалога. В романе Д. Рубиной «Маньяк Гуревич» (Рубина 2021) реплики различных персонажей, сохраняя традиционную пунктуационно-графическую аранжировку КПП, построены параллельно. При этом они могут быть помещены в разные абзацы:

Суть маминой профессии, — заметил как-то папа, — увы, далека от поэзии.

Суть твоей профессии, — немедленно отбила мама, — поэтичной тоже не назовёшь. (Д. Рубина. Маньяк Гуревич (Рубина 2021, 7))

Выбор такого делимитационного решения обусловлен обособленным звучанием голосов персонажей. В сознании Гуревича, главного героя романа, идеалом является личностная самодостаточность его родителей. Однако нередко трансформация пунктуационно-графической аранжировки КПП. Можно говорить о складывающейся тенденции подобного представления диалогических единств, хотя причины трансформации могут быть различными. Так, в сказках и рассказах Л. Петрушевской реализуется ее синтаксическое кредо — желание «спрятать диалог внутри абзаца» (Петрушевская 2003, 322):

Соня, улыбаясь, кивнула на туловище стоящей рядом Татьяны и спросила, какой срок. Та ответила. Так же улыбаясь, ничего не подозревая, ничего не предощущая, бедная Соня спросила, а кто автор. (Л. Петрушевская. Продлись, мгновенье (Петрушевская 2008b, 34))

Кроме того, одним из ключевых приемов ее прозы является создание текстовых аномалий:

Женщина по имени Ника перебила его и спросила, а что в нем сейчас есть такого осо-

бенного и может ли он предсказывать — и он так же ласково и искренне сказал, что не хочет знать будущего, запрещает себе, а будущего какого, своего или чужого, спросила женщина, ей было интересно.

Каждого будущего, ответил он. (Л. Петрушевская. Черная бабочка) (Петрушевская 2008b, 8))

В прозе Рубиной развертывание диалога, состоящего из комментированных реплик внутри абзаца, создает модальные сдвиги, свидетельствуя об изображении повторяющейся ситуации:

Папа был мягким и участливым человеком <...>. Всегда шёл провожать гостей до остановки трамвая <...>. Сеня, уже подростком, как-то спросил: «Пап, зачем ты выясняешь, есть ли у человека три копейки, если вышел в тряпье без карманов, и у тебя самого ни копейки <...>?» «Я не могу не спросить», — ответил папа. «А если кто-то скажет, что денег нет? Что ты сделаешь?» «Не знаю... — папа пожал плечами. — Но не спросить не могу». (Д. Рубина. Маньяк Гуревич (Рубина 2021, 4).)

Этот диалог возникает в сфере воспоминаний взрослого Гуревича, голос отца прорывается сквозь них, что помогает герою понять черты его характера.

В рассказах Слаповского подобная форма связана с пересказом диалога в перволичном повествовании:

Виктор вообще был неконтактный. Ни друзей по работе, никого. Не собирались сроду даже на день рождения или что-то. <...> Но у всех свои привычки. Короче, он входит и стоит. Я — ты чего? Он — машина сломалась. И опять стоит, молчит. Я говорю, ты иди давай, грейся, кофе выпей, он чай не пил, а все кофе. Кружками целый день. Говорю — выпей кофе, потом разберешься. А он так со смыслом — да, разберусь. И опять там стоит. (А. Слаповский. Обида (Слаповский 2019, 156))

В повести Матвеевой «Найти Татьяну» размещение собственно прямой речи и так называемых слов автора в разных абзацах актуализирует сентенционную реплику персонажа, отражающую его жизненные установки:

Картина важнее рамы.

Согрин повторил эту фразу вслух и почувствовал, как внутри загорается радость, похожая на белые звездочки бенгальских огней. (А. Матвеева. Найти Татьяну (Матвеева 2015, 56))

В прозе Водолазкина, своеобразно понимающего категорию времени, также диалог находится внутри абзаца. Обратимся к словам И. А. Мартыановой о том, что в сознании писателя «присутствует визуальный образ высказывания, пунктуационно-графическая аранжировка которого остраивает различные виды информации, создает временные лакуны, синхронизирует время повествования и время восприятия текста» (Мартыанова 2019, 499). Например, в романе «Брисбен»:

Ирина показала взглядом, что инструмент можно положить, но Глеб этого не сделал. Ты хочешь играть на четырехструнной домре, поинтересовалась она. Хочу, ответил мальчик. (Е. Водолазкин. Брисбен (Водолазкин 2018, 8))

В концепции функционально-композиционных типов, предложенной профессором С. Г. Ильенко, согласно темпоральному критерию, выделяются сентенционный (СТР), демонстрационный (ДТР) и информационный (ИТР) типы речи. КТР и диалог являются характерными особенностями ДТР, создающего иллюзию совпадения времени текста и его восприятия, в то время как другие способы передачи чужой речи присущи всем функционально-композиционным типам речи (Ильенко 2003, 158–159). Представляется, что их синкретизм становится фактором, обобщающим изменения оформления комментированных реплик диалога в текстах различных авторов.

Сочетание способов передачи чужой речи

КТР — уникальная синтаксическая конструкция в современной прозе. Она используется в сочетании с другими способами передачи чужой речи, не только сугубо синтаксических (тематическая и несобственно-прямая речь), нередко образуя их в комплекс:

Утром Согрин уходил в мастерскую, Евгения Ивановна — в школу. Хорошая, в общем-то жизнь. Ну, может и не хорошая, но абсолютно нормальная. Не хуже других, гордо выпрямлялась Евгения Ивановна, когда в голову ей прилетали сомнения, похожие на дохленьких бабочек. Не хуже других, повторяла она — и сомнения подыхали окончательно. (А. Матвеева. Найти Татьяну) (Матвеева 2015, 65)

Дорогуший профессор Тур — растерянные родители приглашали его, когда сын заходил на третий круг с какой-нибудь ветрянкой — стоял над мальчиком, опухшим, или покрасневшим, или покрытым волдырями, и говорил: «Этого не может быть!» (Д. Рубина. Маньяк Гуревич (Рубина 2021, 10))

Различные способы изображения чужой речи становятся неопределенными, сосуществуют в рамках одного высказывания или текстового фрагмента, испытывая взаимовлияние, что подтверждается обращением к текстам различных авторов (Рубиной, Петрушевской, Степновой, Слаповского и др.).

В прозе Матвеевой комментированные реплики диалога, обращенные к разным собеседникам, оформляются по-разному:

Только Изольда смотрела на неё [Валю. — В. Т.] другими глазами. Она пришла к тетке, высчитывающей бонусы и минусы удочерения, сказала: забирайте себе половину пособия, а девочка останется со мной. Нам с ней хватит, потом я её в театр пристрою:

— Валя, хочется тебе увидеть театр? (А. Матвеева. Найти Татьяну (Матвеева 2015, 72))

Рубина объединяет в одном текстовом фрагменте КПП, редуцированный диалог и тематическую речь:

Трубку сняли, и встрепенулись, когда Гуревич назвался: «Да-да, конечно, — проверка? Мне приехать с Ниночкой? Вообще-то у нас всё в порядке».

— Да нет, — помявшись, проговорил Гуревич, — я по личному делу, Аркадий Янович. Можем мы пересечься... где-то в центре?

И они договорились о встрече. (Д. Рубина. Маньяк Гуревич (Рубина 2021, 122))

Выбор такого представления чужой речи, заключающегося во взаимопроникновении указанных способов ее передачи, может быть обусловлен в том числе влиянием устной разговорной стихии (Мартыанова 2021, 68).

Заключение

В современной художественной прозе способы представления чужой речи претерпевают трансформации, расширяют текстообразующие функции.

Несмотря на ряд нерешенных вопросов, связанных с выявлением предпочтений авторов, преобладания тех или иных способов передачи чужой речи и выполняемых ими функций, можно сделать выводы о том, что намечаются тенденции к изменению соотношения объема частей КПП, пунктуационно-графической аранжировки текстовых фрагментов, включающих КПП и диалогические единства, частью которых она может являться.

Во многих современных прозаических текстах различных жанров (сказках, рассказах, романах и др.) КПП, функционируя отдельно или в составе комментированного диалога, сосуществует в комплексе с другими способами передачи чужой речи: конструкцией с косвенной речью, несобственно-прямой и тематической речью.

ИСТОЧНИКИ

- Водолазкин, Е. (2018) *Брисбен*. М.: АСТ, 380 с.
Матвеева, А. А. (2015) *Призраки оперы*. СПб.: Лимбус Пресс; Издательство К. Тублина, 218 с.
Петрушевская, Л. С. (2008а) *Дикие животные сказки*. СПб.: Амфора, 402 с.
Петрушевская, Л. С. (2008б) *Черная бабочка*. СПб.: Амфора, 297 с.
Рубина, Д. И. (2021) *Маньяк Гуревич*. М.: Эксмо, 512 с.
Слаповский, А. И. (2019) *Туманные аллеи*. М.: АСТ, 507 с.
Степнова, М. Л. (2022) *Сад*. М.: АСТ, 412 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова, Г. Н. (1990) *Новое в синтаксисе современного русского языка*. М.: Высшая школа, 166 с.
- Аманалиева, Ф. Б. (1989) *Недиалогические конструкции с прямой речью и их функционирование в художественном тексте. Автореферат диссертации на соискании степени кандидата филологических наук*. Л., ЛГПИ им. А. И. Герцена, 17 с.
- Бабенко, Н. Г. (2010) *Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна*. 2-е изд. М.: Либроком, 303 с.
- Ильенко, С. Г. (1985) Лексико-синтаксическая координация и виды ее реализации. В кн.: С. Г. Ильенко (ред.). *Проблемы лексико-синтаксической координации: межвузовский сборник научных трудов*. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, с. 5–15.
- Ильенко, С. Г. (2003) *Русистика: избранные труды*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 674 с.
- Логинов, А. В. (1992) *Вопросительное предложение и вопросо-ответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 18 с.
- Максимова, Н. В. (2005) *«Чужая речь» как коммуникативная стратегия*. М.: Издательский центр РГГУ, 315 с.
- Мартьянова, И. А. (2019) Многокомпонентное сложное высказывание как характерная черта стиля Евгения Водолазкина. В кн.: А. Скотница, Я. Свежий (ред.). *Знаковые имена современной русской литературы. Т. II. Евгений Водолазкин*. Краков: Изд-во Ягеллонского университета, с. 497–509.
- Мартьянова, И. А. (2021) Развитие способов изображения чужой речи. В кн.: *Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 68–76.
- Морозова, Н. А. (1996) *Коммуникативные типы предложений-высказываний в художественном драматическом тексте: на материале пьес А. П. Чехова. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. СПб., Московский государственный областной университет, 23 с.
- Петрушевская, Л. С. (2003) *Девятый том*. М.: Эксмо, 332 с.
- Соколова, Л. А. (1968) *Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория*. Томск: Изд-во ТГПУ, 281 с.
- Стельмашук, А. П. (1987) *Функционирование вопросительных предложений в научно-популярном стиле (на материале подъязыка медицины). Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Л., Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 15 с.
- Черняк, В. Д. (2011) Языковые процессы в литературе конца XX — начала XXI века. В кн.: С. И. Тимина (ред.). *Современная русская литература конца XX — начала XXI века*. М.: Академия, с. 283–303.
- Черняк, В. Д. (2014) Современная речь в зеркале прозы последних лет. В кн.: В. П. Ходус (ред.). *Лингвистика. Семиотика. Метапоэтика. Вып. 1 (14)*. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета; Дизайн-студия Б, с. 47–52.
- Чиркова, Н. И. (1992) *Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте: на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 19 с.
- Щукина, Д. А. (2019) *Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста)*. СПб.: ЛЕМА, 157 с.

SOURCES

- Vodolazkin, E. (2018) *Brisben*. M.: AST, 380 s.
- Matveeva, A. A. (2015) *Prizraki opery*. SPb.: Limbus Press; Izdatel'stvo K. Tublina, 218 s.
- Petrushevskaya, L. S. (2008a) *Dikie zhitotnye skazki*. SPb.: Amfora, 402 s.
- Petrushevskaya, L. S. (2008b) *Chernaya babochka*. SPb.: Amfora, 297 s.
- Rubina, D. I. (2021) *Man'yak Gurevich*. M.: Eksmo, 512 s.
- Slapovskij, A. I. (2019) *Tumannye allei*. M.: AST, 507 s.
- Stepnova, M. L. (2022) *Sad*. M.: AST, 412 s.

REFERENCES

- Akimova, G. N. (1990) *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka*. M.: Vysshaya shkola, 166 s.

Amanalieva, F. B. (1989) *Nedialogicheskie konstruksii s pryamoj rech'yu i ikh funkcionirovanie v khudozhestvennom tekste. Avtoreferat dissertatsii na soiskanii stepeni kandidata filologicheskikh nauk.* L., LGPI im. A. I. Gertsena, 17 s.

Babenko, N. G. (2010) *Yazyk i poetika russkoj prozy v epokhu postmoderna.* 2-e izd. M.: Librokom, 303 s.

П'енко, С. Г. (1985) Лексико-синтаксическая координатсия и виды ее реализатсии. V kn.: S. G. П'енко (red.). *Problemy leksiko-sintaksicheskoy koordinatsii: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov.* L.: Izd-vo LGPI im. A. I. Gertsena, s. 5–15.

П'енко, С. Г. (2003) *Rusistika: izbrannye trudy.* SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 674 s.

Loginov, A. V. (1992) *Voprositel'noe predlozhenie i voproso-otvetnyj kompleks vo vnutrennej rechi personazha khudozhestvennogo realisticheskogo proizvedeniya. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk.* SPb., RGPU im. A. I. Gertsena, 18 s.

Maksimova, N. V. (2005) *“Chuzhaya rech'” kak kommunikativnaya strategiya.* M.: Izdatel'skij tsentr RGGU, 315 s.

Mart'yanova, I. A. (2019) Mnogokomponentnoe slozhnoe vyskazyvanie kak kharakternaya cherta stilya Evgeniya Vodolazkina. V kn.: A. Skotnitska, Ya. Svezhij (red.). *Znakovye imena sovremennoj russkoj literatury. T. II. Evgenij Vodolazkin.* Krakov: Izd-vo Yagellonskogo universiteta, s. 497–509.

Mart'yanova, I. A. (2021) Razvitie sposobov izobrazheniya chuzhoj rechi. V kn.: *Sintaksicheskaya interpretatsiya sovremenno go prozaicheskogo diskursa.* SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, s. 68–76.

Morozova, N. A. (1996) *Kommunikativnye tipy predlozhenij-vyskazyvanij v khudozhestvennom dramaticheskome tekste: na materiale p'es A. P. Chekhova. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk.* SPb., Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 23 s.

Petrushevskaya, L. S. (2003) *Devyatyj tom.* M.: Eksmo, 332 s.

Sokolova, L. A. (1968) *Nesobstvenno-avtorskaya (nesobstvenno-pryamaya) rech' kak stilisticheskaya kategoriya.* Tomsk: Izd-vo TGPU, 281 s.

Stel'mashuk, A. P. (1987) *Funkcionirovanie voprositel'nykh predlozhenij v nauchno-populyarnom stile (na materiale pod'yazyka meditsiny). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk.* L., Izd-vo LGPI im. A. I. Gertsena, 15 s.

Chernyak, V. D. (2011) Yazykovye protsessy v literature kontsa XX — nachala XXI veka. V kn.: S. I. Timina (red.). *Sovremennaya russkaya literatura kontsa XX — nachala XXI veka.* M.: Akademiya, s. 283–303.

Chernyak, V. D. (2014) *Sovremennaya rech' v zerkale prozy poslednikh let.* V kn.: V. P. Khodus (red.). *Lingvistika. Semiotika. Metapoetika. Vyp. 1 (14).* Stavropol': Izd-vo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta; Dizajn-studiya B, s. 47–52.

Chirkova, N. I. (1992) *Reprezentatsiya dialoga v khudozhestvennom prozaicheskom tekste: na materiale romanov I. A. Goncharova “Obyknovennaya istoriya”, “Oblomov”, “Obryv”. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata filologicheskikh nauk.* SPb., RGPU im. A. I. Gertsena, 19 s.

Shchukina, D. A. (2019) *Russkaya literatura XXI veka (fragment prostranstva khudozhestvennogo teksta).* SPb.: LEMA, 157 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТКАЧЕВА Валентина Николаевна — *Valentina N. Tkacheva*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

ORCID: [0000-0002-7630-1999](https://orcid.org/0000-0002-7630-1999), e-mail: valentinarum271@ya.ru

Аспирант кафедры русского языка.

Научный руководитель: Мартянова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена.

Поступила в редакцию: 8 июня 2023.

Прошла рецензирование: 1 ноября 2023.

Принята к печати: 4 марта 2024.